

УДК 930.1

**ЧЕРТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СООБЩЕСТВА РУССКИХ
ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИКОВ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***С.П. Бычков***Аннотация**

Статья посвящена изучению сообщества русских церковных историков и его профессиональных характеристик. Делается вывод о полноценности и зрелости сообщества с точки зрения методологических, концептуальных, личностных показателей.

Ключевые слова: русская церковная историография, корпорация русских церковных историков, история русской православной церкви, духовные академии.

Русская церковная историческая наука является очень интересным и востребованным современными историографами объектом изучения. Это обусловлено прежде всего тем, что почти век по мировоззренческим и идеологическим причинам труды церковных историков не покидали стен библиотечных и архивных хранилищ. Последний этап деятельности духовных академий русской православной церкви, завершение которого пришлось на годы социально-политической революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны, свидетельствует о том, что сообщество русских церковных историков представляло собой вполне сложившуюся высокоинтеллектуальную корпорацию, плодотворно работавшую в образовательном и научном направлениях. Даже первые опыты аналитики церковно-исторических школ и других типов сообществ в четырех академиях русской православной церкви приводят к разрушению стереотипа о возможной косности, «кондовости», «консервативности», «сословной ограниченности», «провиденциализме» их трудов.

Историографический обзор начала XX в. [1] свидетельствует о восприятии пространства церковно-исторической науки как единого, без особого акцентирования и атрибутирования того или иного деятеля как представителя именно конкретной Московской, Петербургской, Киевской или Казанской академии. О существовании единого научного пространства свидетельствуют факты личного знакомства историков друг с другом, хорошее знание церковно-исторических исследований коллег, которое обеспечивалось как беспрепятственным прохождением научной информации через научные журналы академий, общественные и местные церковные издания, вроде «Странника», «Епархиальных ведомостей», так и активным книгообменом и постоянным отслеживанием всех новых трудов библиотечными службами и книготорговыми агентствами. Сплочению сообщества способствовали и церковно-исторические и церковно-археологические

съезды, достаточно популярные в начале XX в., а также установившаяся практика рецензирования магистерских и докторских работ, экспертизы печатных трудов по просьбе обер-прокуратуры, Синода и разного рода премиальных комитетов. При этом все-таки существовали и отличия в характере и деятельности каждой из групп историков этой, говоря современным языком, интеллектуальной сети, которые определялись многочисленными факторами статусного, организационного, географического, личностного и иных свойств.

Хотя вопрос о сообществе историков русской православной церкви Казанской духовной академии (КДА) уже ставился (см. [1, 2]), комплексно его характеристики в предшествующей историографической традиции не исследовались. Коротко о представителях КДА, особенностях их преподавания и научной деятельности второй половины XIX в. в общем контексте истории самой Казанской академии писал в главе «Частное обозрение академических кафедр и личного состава преподавателей» своего фундаментального труда П.В. Знаменский [3, с. 100–142]. Отдельным ярким ее представителям, например А.П. Щапову, посвящены десятки историографических исследований; при этом его научная и преподавательская деятельность в КДА освещались фрагментарно в работах Н.Я. Аристова [4], А.С. Маджарова [5], А.Н. Цамутали [6]. Несколько работ было посвящено Г.З. Елисееву (см., например, [7]), в которых его академическая деятельность освещалась лишь как эпизод его активной общественно-публицистической деятельности. В 1990-х – 2000-х годах, говоря о проблемах церковной историографии, о П.В. Знаменском и И.М. Покровском упоминала в своих работах В.А. Тарасова [8], казанские историки Б.М. Куницын [9, 10] и Р. Садыкова [11]. Родственницы И.М. Покровского – О. Троепольская и Н. Троепольская – исследовали разные стороны жизни и деятельности П.В. Знаменского и И.М. Покровского, приложили немало усилий к публикации эпистолярного наследия последних [12].

Среди факторов, повлиявших на складывание и функционирование научных сообществ в рамках общецерковного организма русской православной церкви, важнейшим следует считать влияние общегосударственной и церковной политики на статус Духовных академий. Так, во второй половине XIX в. первенствовавшая Санкт-Петербургская Духовная академия в силу своей близости к императорской и обер-прокурорской власти выполняла официально-представительские функции. Соответственно ее историко-научному сообществу, так же как и всей ученой корпорации, государственной и обер-прокурорской властью ставилась задача постоянной готовности к демонстрации высших академических и официальных церковных и научных сил в случае коронационных торжеств, юбилеев, памятных дат и прочего.

На Московскую академию, базировавшуюся в стенах Троице-Сергиевой лавры, уже само хранение мощей преподобного игумена земли Русской возлагало обязанность быть хранительницей святоотеческой и национальной религиозной традиции. Киевская же и Казанская академии воспринимались как заведения, обязанные вести активное миссионерское и интеллектуальное наступление на направлениях борьбы с инославными, инорелигиозными организациями и сообществами. Так, Киевская академия выступала в качестве форпоста воинствующего православия в борьбе с католицизмом и униатством, а КДА – с мусульманством

и буддизмом. При этом КДА выполняла дополнительную функцию подготовки специалистов для борьбы с сектантством и сибирским расколом. Она была образована позднее других академий, и именно на примере корпорации ее научных деятелей отчасти возможно выявление как общих проблем, присущих в целом процессу становления русского церковного историко-научного сообщества, так и специфики его «восточного» направления.

Эти особенности оказали влияние и на расстановку научных сил, и на динамику их развития. Изначальная «практичность» академии, ее миссионерская направленность априори делали второстепенным изучение исторических дисциплин по отношению к наукам практическим – богословским. Поэтому сообщество церковных историков в рамках КДА изначально формировалось как коллектив преподающих, «читающих» курс церковной истории деятелей, и только потом происходило постепенное наращивание научных сил и формирование аналогичного университетскому исследовательского типа научного работника. В этой связи интересен «двойной импульс» формирования академии – в 1797–1818 гг. и в 1842 г. Понимая необходимость создания высшего учебного заведения в Казани, уже в конце XVIII в. высшая гражданская и церковная власти предприняли такую попытку, но внутренних ресурсов церкви не хватило на поддержание и реализацию этого проекта.

Во «второй заход», как сообщал П.В. Знаменский в «Истории Казанской Духовной академии...», церковная история читалась «вперемешку» с курсом гражданской истории в течение двух лет. П.В. Знаменский указал на когорту историков – П.И. Палимпсестова, Н.В. Минервина, М.Я. Морошкина, Г.З. Елисеева, И.П. Гвоздева, А.П. Щапова, П.В. Знаменского [3] – преподававших этот курс на протяжении существования академии. Добавим к перечисленным имя И.М. Покровского, преподававшего русскую церковную историю после ухода П.В. Знаменского из академии.

На момент второго открытия академии чтение русской церковной истории зачастую поручалось лицам почти случайным, когда вакансии при отсутствии специалистов по дисциплине занимались преподавателями, назначаемыми начальством. Это было связано не только с новизной академии и ее миссионерской деятельностью, но и с тем, что духовные академии, особенно периферийные, церковной властью долго не воспринимались как активные *научные* центры. В начале 50-х годов XIX в. образование в академии было построено так, что позволяло выдающимся ученикам (в дальнейшем – профессорским стипендиатам) преподавать практически любую дисциплину общепедagogического или гуманитарного цикла, в том числе древние и современные языки. Поэтому выпускники академии с быстротой принимались низшими, средними и высшими школами как духовного ведомства, так и народного просвещения, ибо ежегодно выпускаемая группа в двадцать пять – тридцать человек была не способна удовлетворить образовательные потребности Урала, Сибири и Дальнего Востока. Вполне обыденной практикой для академии было и чтение вакантного курса русской церковной истории «на подхвате» другим преподавателем. Таким образом, становление научного изучения русской церковной истории затянулось в КДА в силу факторов организационного и общественного свойства почти на двадцать лет.

Характерно, что М.Я. Морошкин, Е.З. Елисеев, А.П. Щапов оказались людьми временными и, в общем, случайными для академии. Они вполне могли стать основоположниками научной школы церковной истории в академии, поскольку каждый из них был способен на создание фундаментальных трудов и в той или иной степени осознавал, что для академического уровня явно недостаточно одного преподавания. Они чувствовали, что положение обязывало их быть не только и не столько трансляторами, сколько активными мыслителями, генераторами новых трудов и новых идей. Так, М.Я. Морошкин исследовал проблему влияния иезуитов на религиозную и политическую жизнь России, Е.З. Елисеев трудился над исследованиями, связанными с местночтимыми святыми и их иконами. А.П. Щапов усиленно разрабатывал лекционный курс, большое место в котором должны были занять новые сюжеты, связанные с участием церкви в социальной и культурной жизни русского народа, и апробировал выводы вначале в лекторской аудитории академии, а затем – в университете. При этом желание названных ученых служить науке было слабее другого жизненного приоритета – просветительской и публицистической деятельности. Даже выдающиеся представители церковного прошлого интересовали их прежде всего как просветители. Так, по воспоминаниям Г.З. Елисеева, в «Вестнике Европы» в начале 90-х годов XIX в. А.С. Суворин в пылу полемики пытался уличить его в лицемерии и интеллектуальном и идеологическом непостоянстве, указывая на то, что в пору служения в КДА Елисеев писал вполне благостные статьи о местных святых и их иконах. Последний отвечал: «Вы, г. Суворин, вытаскиваете из моих литературных трудов за тридцать с лишком лет назад составленное мною жизнеописание первых казанских архиереев, людей даже с гражданской точки зрения достойных уважения потому, что они для культуры и развития края сделали больше, чем сколько делали не только тогдашние воеводы, но чем сколько делают и нынешние генералы...» (цит. по [13, с. 256]).

Анализируя научную атмосферу в академии, Елисеев объяснял, что именно не устраивало его в КДА в пору его преподавания. По его мнению, на раннем этапе своего развития молодая Казанская академия испытывала трудности, которые более зрелые учебные заведения уже преодолели. В частности, одной из таких проблем было противоборство профессуры и доцентуры с наиболее воинствующими, бюрократически настроенными ректорами, отнимавшее много сил и зачастую прекращавшее научную карьеру. Денежное пенсионное пособие, предлагаемое государством, было неспособно достойно обеспечить престарелого деятеля науки. Он вынужден был работать до конца жизни, хотя труд его уже не был по-настоящему продуктивным, и закрывал дорогу молодым ученым [14]. Идеальный служитель науки, по мнению Г.З. Елисеева, – это ее жрец, который и всем окружением понимается именно так, со всеми полагающимися при этом административными, социальными и финансовыми почестями. Но именно потому, что к началу 60-х годов XIX в. этот тип еще не сложился в стенах КДА, Елисеев предпочел общественное поприще и, сославшись на болезнь, окончательно покинул и науку, и духовное сословие.

Следующей заметной фигурой был, несомненно, А.П. Щапов, хотя его преподавательская слава обеспечивалась скорее полемико-публицистической харизмой, чем научной глубиной исследований. Череда скандалов, сопровождавших

деятельность Щапова, бросала свою тень и на КДА. По мнению П.В. Знаменского, значение Щапова заключалось скорее в подготовке почвы, в освещении, пусть и «несколько фальшивым светом», будущей перспективной проблематики исследований, в его интуитивных догадках относительно дальнейших стратегий научного движения [3, с. 135].

Таким образом, в КДА долгое время не было устойчивой научной церковно-исторической традиции, не было и условий для активной генерации новых кадров, желавших заниматься именно научной работой. И в такой ситуации серьезная ответственность лежала на каждой отдельной личности, от выбора жизненной стратегии которой, как ни парадоксально, могла зависеть судьба целого регионального научного направления, а иногда и национальной церковно-исторической науки в целом.

При этом, как только научное начало «выкристаллизовывалось», у ученого немедленно появлялось несколько дополнительных функций, связанных с общественными и научными институциями. Помимо обязанности формирования корпуса будущих администраторов и преподавателей или священников-требоисполнителей, за деятелем академии закреплялись обязанности 1) не только *удовлетворительного знания* объекта своего научного интереса, но и необходимости генерирования идей, формирования проблематики, детализации и уточнения объекта и предмета исследования, выражающаяся в написании именно научных трудов; 2) *экспертизы*, начиная от курсовых и дипломных сочинений студентов и заканчивая *отслеживанием* всех появляющихся на научном горизонте трудов по церковной истории; 3) *консультирования* достаточно большого круга лиц – начиная специалистами, близкими к ученому по кругу научных интересов, и заканчивая людьми, весьма далекими от богословских или церковно-исторических вопросов.

Со временем, если ученому была дарована длинная жизнь, он воспринимался всеми и как носитель академической корпоративной культуры, *живой свидетель и хранитель традиций*. Таким образом, можно говорить о двух ипостасях ученого – традиционной и новационной. Выступая как генератор идей, ученый должен был постоянно стремиться к новому, искать еще не занятые информационные ниши, ракурсы и методы исследования, осмысливать церковную историю. Ученому должно было быть присуще желание соответствовать такому набору профессиональных функций. Именно наука в исследуемый период должна была пониматься как служение Богу, государству, обществу, народу.

Как признавали практически все деятели русской церковной исторической науки, ключевой фигурой Казанского сообщества историков стал никто иной, как П.В. Знаменский. Он, будучи преемником А.П. Щапова на кафедре церковной истории КДА, сумел избежать «щаповского» принесения науки в жертву политике и обществу. В дальнейшем ученики и последователи П.В. Знаменского признавали, что и ему преподавание русской церковной истории досталось вполне случайно. После отъезда А.П. Щапова П.В. Знаменский, преподававший в ту пору математику в академии, с большим смущением взялся за чтение курса истории русской церкви, ставшей впоследствии делом всей его жизни.

Для него не было характерно стремление к активной критике существующей гражданской и церковной властей, однако в его подходах к анализу церковной

жизни прослеживается установка Шапова рассматривать ее феномены по преимуществу как явления общественной жизни. В конечном счете это стало такой особенностью творчества Знаменского, которая со временем была признана ученой корпорацией Казани (как университетской, так и академической) в качестве прямой заслуги ученого, на что неоднократно указывалось во многих адресах и обращениях к автору [15].

На наш взгляд, доминировали скорее не «дух Шапова» и не инерция его активного интереса к религиозному и бытовому поведению народа, в том числе девиантного характера (раскол). Определяющим было влияние самого миссионерского характера деятельности академии. Мощное миссионерское начало, свойственное деятельности представителей академии, сформировало специфический «этнографический» подход к религиозным проблемам и сюжетам.

Так, тесные контакты с инородческой средой, с национальной, языковой, религиозной экзотикой, поиски общего языка и способов взаимодействия с инородцами, прагматическое видение спектра религиозных представлений в сознании рядового инородческого обывателя, далекого от изысков сколько-нибудь четких теологических и догматических систем, заставляли по методу и привычке более детально вглядываться в религиозный облик собственного народа¹. Очевидные провалы центральных гражданских и церковных властей в просвещении, образовании и воцерковлении инородческого населения, с результатами которых приходилось сталкиваться, пожалуй, и предопределили прагматизм и реализм как самого П.В. Знаменского, так и ученых, которые могли бы себя назвать его единомышленниками или учениками (Д.Н. Беликов, И.М. Покровский).

Весь имеющийся комплекс источников позволяет с определенностью говорить о том, что для Казанской корпорации академических богословов и историков было характерно отсутствие замкнутости и отгороженности от университетской корпорации. Изначально в КДА не было возможностей расширения школы в стенах самой академии. Преподаватель, ведущий курс по истории русской церкви, мог занимать вакансию десятилетиями, иных дополнительных мест не предусматривалось, поэтому количественно корпорация историков русской церкви могла расти только за счет оттока выпускников на кафедры в университеты – для чтения гражданской и церковной отечественной истории или защиты магистерских работ по истории церкви лицами, преподающими в духовных училищах.

Определенный универсализм КДА и ее ориентация на противораскольничью, противомусульманскую или противобуддистскую деятельность практически исключали раннюю специализацию в области русской церковной истории. Она могла обозначаться более-менее сознательно только на уровне магистерских работ, которые писались в основном лицами, заинтересованными в получении ученой степени с целью дальнейшего административного продвижения. В таких случаях учитель воспринимался скорее как лекционный преподаватель и консультант, нежели стратег, разрабатывающий научное направление.

¹ Пожалуй, наиболее показательным в этом случае может быть признан труд П.В. Знаменского «Казанские татары» [16], где на фоне анализа этнографических, ментальных, бытовых и религиозных черт местного населения известный историк церкви вполне откровенно свидетельствует о неудачах христианского миссионерства края и нахождении его в «глухой обороне» по отношению к местному укрепляющемуся мусульманству и панисламизму.

Именно с П.В. Знаменского начинается процесс обретения церковными историками почвы, нахождения себя в науке, а не только и не столько в общественной деятельности. Занятия наукой начинают обеспечивать необходимый уровень личного благосостояния, осуществляется наконец переход к профессиональному типу ученого, который занят преподаванием, генерацией научных идей, рецензированием, ведением рубрик научных журналов, активной научной перепиской, который может позволить себе выехать за границу, участвовать в съездах, является почетным членом научных обществ и университетов. Характерно, что именно во второй половине XIX в. в КДА закрепляются устойчивая методика чтения лекций, ведения семинарских и консультационных занятий и написания курсовых и дипломных сочинений, процедуры интеллектуального и организационного реагирования на важные события государственной и церковной жизни, появляются традиции коллективной академической памяти, выразившиеся в написании «Истории» КДА и коллективных чествованиях ректоратом, преподавательским корпусом и студентами заслуг выдающихся деятелей сообщества.

При этом особый облик КДА, ее позиция в авангарде борьбы с мусульманством и буддизмом, уклонение от «щекотливых» и болезненных тем, особенно в периоды разгоравшихся общественно-политических столкновений, делали ее корпорацию, в том числе и церковных историков, более приемлемой для оберпрокуратуры с точки зрения имиджа «классического», «консервативного» богословия и науки.

Исходя из перечисленных тенденций развития именно корпорация КДА, наряду со складывавшимся научным коллективом Томского университета, должна была выступить в качестве кадрового резерва для предполагавшейся к открытию в 1915 г. Сибирской духовной академии в Томске (не состоявшейся из-за начавшейся мировой войны).

Таким образом, констатируем, что сообщество церковных историков КДА развивается во второй половине XIX – начале XX в. как вполне сложившаяся, отвечающая основным научным требованиям современности группа ученых, в деятельности которой находят отражение как общероссийские, так и региональные особенности. Деятельность таких ее представителей, как П.В. Знаменский и И.М. Покровский, является примером беззаветного служения науке.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственных заданий высшим учебным заведениям на 2012 г. в части проведения научно-исследовательских работ (проект № 6.5331.2011).

Summary

S.P. Bychkov. The Features of the Russian Church Historians Corporation of the Kazan Theological Academy (Late 19th – Early 20th Centuries).

The paper studies the community of Russian church historians and its professional features. We make a conclusion about the valuableness and maturity of this community respecting methodological, conceptual, and personal characteristics.

Key words: Russian church historiography, corporation of Russian church historians, history of the Russian Orthodox Church, theological academies.

Литература

1. *Мяжков Г.П., Недашковская Н.И.* Провинциальные научные школы: разрывы традиции как схолярные практики (на материале истории медиевистики и славяноведения в Казани) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 292–311.
2. *Карташев А.В.* Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории: Из чтений по истории Русской Церкви. – СПб.: Тип. Меркушева, 1903. – 31 с.
3. *Знаменский П.В.* История Казанской Духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – Вып. 2. – 593 с.
4. *Аристов Н.Я.* Афанасий Прокопьевич Щапов. Жизнь и сочинения. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. – 192 с.
5. *Маджаров А.С.* Афанасий Щапов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 272 с.
6. *Цамутали А.Н.* Историк-демократ: Афанасий Прокопьевич Щапов // Историки России XVIII – начала XX века. – М.: Скрипторий, 1996. – С. 379–397.
7. *Емельянов Н.П.* Г.З. Елисеев – публицист. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 144 с.
8. *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. – М.: Новый хронограф, 2005. – 568 с.
9. *Куницын Б.М.* Казанский адресат Н.С. Лескова // Рус. лит. – 2006. – № 3. – С. 168–184.
10. *Куницын Б.М.* Казанский коллега В.О. Ключевского // Эхо веков. – 2006. – № 2. – URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_2/02/02_5, свободный.
11. *Садькова Р.* «Я служил любимому мной делу и сохранял ценнейшее достояние Знания и Культуры» // Эхо веков. – 2001. – № 3–4. – С. 213–223.
12. *Троепольская О., Троепольская Н.* Я не столько археолог и музейист, сколько историк-археолог и архивист... (О работе И.М. Покровского в Казанском губернском архиве в 1920–1930-е гг.) // Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 106–122.
13. Шестидесятые годы: Воспоминания М.А. Антоновича и Г.З. Елисеева / Под ред. В. Евгеньева-Максимова и Г.Ф. Тизенгаузена. – М.; Л.: Академия, 1933. – 581 с.
14. *Елисеев Г.З.* Из далекого прошлого двух академий. По поводу смерти проф. Казанской духовной академии И.Я. Порфирьева // Вестн. Европы. – 1891. – № 11. – С. 282–312.
15. *Покровский И.М.* К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского // Православный собеседник. – 1917. – март – май. – С. 6–10.
16. *Знаменский П.В.* Казанские татары. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. – 46 с.

Поступила в редакцию
20.10.11

Бычков Сергей Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета.

E-mail: sbychkov@rambler.ru